

Злая мудрость (Афоризмы и изречения)

Фридрих Ницше

ЗЛАЯ МУДРОСТЬ. АФОРИЗМЫ И ИЗРЕЧЕНИЯ

1. МЫСЛИТЕЛЬ НАЕДИНЕ С СОБОЙ

1

Смерть достаточно близка, чтобы можно было не страшиться жизни.

2

Долгие и великие страдания воспитывают в человеке тирана.

3

Тем, как и что считаешь, образуешь всегда вокруг себя дистанцию.

4

Я мог бы погибнуть от каждого отдельного аффекта, присущего мне. Я всегда сталкивал их друг с другом.

Мое сильнейшее свойство — самопреодоление. Но оно же по большей части оказывается и моей нуждой — я всегда стою на краю бездны.

5

Я должен быть ангелом, если только я хочу жить: вы же живете в других условиях.

6

Что же поддерживало меня? Всегда лишь беременность. И всякий раз с появлением на свет творения жизнь моя повисала на волоске.

7

Я чувствую в себе склонность быть обворованным, обобраным. Но стоило только мне замечать, что все шло к тому, чтобы /обманывать/ меня, как я впадал в /эгоизм/.

8

Как только благоразумие говорит: "Не делай этого, это будет дурно истолковано", я всегда поступаю вопреки ему.

9

Мне никогда не бывает в полной мере хорошо с людьми. Я смеюсь всякий раз над врагом раньше, чем ему приходится заглаживать свою вину передо мной. Но я мог бы легко совершить убийство в состоянии аффекта.

10

Испытывал ли я когда-нибудь угрызения совести? Память моя хранит на этот счет молчание.

11

Я ненавижу обывательщину гораздо больше, чем грех.

12

Для меня не должно быть человека, к которому я испытывал бы отвращение или ненависть.

13

Я ненавижу людей, не умеющих прощать.

14

Человек, ни разу еще не думавший о деньгах, о чести, о приобретении влиятельных связей, — да разве может он знать людей?

15

Люблю ли я музыку? Я не знаю: слишком часто я ее и ненавижу. Но музыка любит меня, и стоит лишь кому-то покинуть меня, как она мигом рвется ко мне и хочет быть любимой.

16

Это благородно — стыдиться лучшего в себе, так как только сам и обладаешь им.

17

Странно! Стоит лишь мне умолчать о какой-то мысли и держаться от нее подальше, как эта самая мысль непременно является мне воплощенной в облике человека, и мне приходится теперь любезничать с этим "ангелом Божиим"!

18

После того как я узрел бушующее море с чистым, светящимся небом над ним, я не выношу уже всех бессолнечных, затянутых тучами страстей, которым неведом иной свет, кроме молнии.

19

Мой глаз видит идеалы других людей, и зрелище это часто восхищает меня; вы же, близорукие, думаете, что это — мои идеалы.

20

"Друг, все, что ты любил, разочаровало тебя: разочарование стало вконец твоей привычкой, и твоя последняя любовь, которую ты называешь любовью к «истине», есть, должно быть, как раз любовь — к разочарованию".

21

Опасность мудрого в том, что он больше всех подвержен соблазну влюбиться в неразумное.

22

Лестница моих чувств высока, и вовсе не без охоты усаживаюсь я на самых низких ее ступенях, как раз оттого, что часто слишком долго приходится мне сидеть на самых высоких: оттого, что ветер дудит там пронзительно и свет часто бывает слишком ярким.

23

"Я не бегу близости людей: как раз даль, извечная даль, пролегающая между человеком и человеком, гонит меня в одиночество".

24

Лишь теперь я одинок: я жаждал людей, я домогался людей — а находил всегда лишь /себя самого/ — и больше не жажду себя.

25

Цель аскетизма Следует выждать /свою/ жажду и дать ей полностью созреть: иначе никогда не откроешь /своего/ источника, который никогда не может быть источником кого-либо другого.

26

Я хотел быть философом /неприятных истин/ — на протяжении шести лет.

27

Искал ли уже когда-нибудь кто-либо на своем пути истину, как это до сих пор делал я, — противясь и переча всему, что благоприятствовало моему непосредственному чувству?

28

Было время, когда меня охватило /отвращение к самому себе: летом 1876 года. Опасность заблуждения, нечистая научная совесть в связи с примесью метафизики, чувство чего-то утрированного, смехотворное притязание на «судейство». — Итак, набраться ума и /попытаться/ жить в величайшей трезвости, без метафизических предпосылок. "Свободный ум" превозмог меня! — компрессы со льдом. Мое отвращение к человеку стало слишком велико. Равным образом обратное отвращение к моральному высокомерию моего идеализма. Я приближался ко всему презренному, я искал в себе как раз достойное презрения: мне хотелось умерить свой пыл. Я выступил /против/ всех /обвинителей/ человечества — я лишил их и себя права на /высокопарность/. Критический порыв искал /жизни/. — Героизм сводился отныне к тому, чтобы /довольствоваться/ самым малым: пустыней. Героизмом стало: умалить в самом себе интеллектуальный порыв, вообразить его аффектом. Я поносил аффект, чтобы /после/ сказать: мне больше /нет/ проку от аффекта! Жизнь в сопровождении морали невыносима (гнет /Вагнера/ стал таковым уже раньше).

29

Что до героя, я не столь уж хорошего мнения о нем — и все-таки: он — наиболее приемлемая форма существования, в особенности когда нет другого выбора.

30

Героизм — таково настроение человека, стремящегося к цели, помимо которой он вообще уже не идет в счет. Героизм — это /добрая воля/ к абсолютной самопогибели.

31

Противоположностью героического идеала является идеал гармонической всеразвитости — прекрасная противоположность и вполне желательная! Но идеал этот действителен лишь для добротных людей (например, Гете).

32

/Причинять боль тому, кого мы любим/, - сущая чертовщина. По отношению к нам самим таково состояние героических людей: предельное насилие. Стремление впасть в противоположную крайность относится сюда же.

33

Возвышенный человек, видя возвышенное, становится свободным, уверенным, широким, спокойным, радостным, но совершенно прекрасное потрясает его своим видом и сшибает с ног: перед ним он отрицает самого себя.

34

Кто не живет в возвышенном, как дома, тот воспринимает возвышенное как нечто жуткое и фальшивое.

35

Люди, стремящиеся к величию, суть по обыкновению злые люди: таков их единственный способ выносить самих себя.

35a

Стремление к величию выдает с головой: кто обладает величием, тот стремиться к доброте.

35b

Кто стремиться к величию, у того есть основания увенчивать свой путь и довольствоваться количеством. /Люди качества стремятся к малому.

36

В пылу борьбы можно пожертвовать жизнью: но побеждающий снедаем искусом /отшвырнуть от себя/ свою жизнь. Каждой победе присуще презрение к жизни.

37

Всякий восторг заключает в себе нечто вроде испуга и бегства от самих себя — временами даже само-/отречение/, само-отрицание.

38

Желать чего-то и добиваться этого — считается признаком сильного характера. Но даже не желая чего-то, все-таки добиваться этого — свойственно сильнейшим, которые ощущают себя воплощенным фатумом.

39

Пережить многое, сопережить при этом множество прошедших вещей, пережить воедино множество собственных и чужих переживаний — это творит высших людей, я называю их "суммами".

40

Заблистать через триста лет — моя жажда славы.

41

Те, кто до сих пор больше всего любили человека, всегда причиняли ему наисильнейшую боль; подобно всем любящим, они требовали от него невозможного.

42

Если ты прежде всего и при всех обстоятельствах не внушает страха, то никто не примет тебя настолько всерьез, чтобы в конце концов полюбить тебя.

43

Кто хочет стать водителем людей, должен в течение доброго промежутка времени слыть среди них их опаснейшим врагом.

44

Из всех европейцев, живущих и живших — Платон, Вольтер, Гете, — я обладаю душой /самого широкого диапазона/. Это зависит от обстоятельств, связанных не столько со мной, сколько с "сущностью вещей", — я мог бы стать /Буддой/ Европы: что, конечно, было бы антиподом индийского.

45

Во мне теперь /острие/ всего морального размышления и работы в Европе.

46

Покуда к тебе относятся враждебно, ты еще не превозмог своего времени: ему не положено видеть тебя — столь высоким и отдаленным должен ты быть для него.

46a

Кто подвергается нападкам со стороны своего времени, тот еще недостаточно определил его — или отстал от него.

47

Одиннадцать двенадцатых всех великих людей истории были лишь представителями какого-то великого дела.

48

Если имеешь счастье оставаться темным, то можешь воспользоваться и льготами, предоставляемыми темнотой, и в особенности "болтать всякое".

49

В стадах нет ничего хорошего, даже когда они бегут вслед за тобою.

50

Чем свободнее и сильнее индивидуум, тем /взыскательнее/ становится его любовь; наконец, он жаждет стать сверхчеловеком, ибо все прочее не /утоляет/ его любви.

2. О ПОЗНАНИИ

51

И истина требует, подобно всем женщинам, чтобы ее любовник стал ради нее лгуном, но не тщеславие ее требует этого, а ее жестокость.

52

И правдивость есть лишь одно из средств, ведущих к познанию, одна лестница, — но не /сама/ лестница.

53

Жизнь ради познания есть, пожалуй, нечто безумное; и все же она есть признак веселого настроения. Человек, одержимый этой волей, выглядит столь же потешным образом, как слон, сидящийся /стоять/ на голове.

54

Для познающего всякое право собственности теряет силу: или же все есть грабеж и воровство.

55

Лишь недостатком вкуса можно объяснить, когда человек познания все еще рядится в тогу "морального человека": как раз по нему и /видно/, что он "не нуждается" в морали.

56

Изогнана и сама ценность познавания: познающие говорили о ней всегда в свою защиту — они всегда были

слишком исключениями и почти что преступниками.

57

Вы, любители познания! Что же до сих пор из любви сделали вы для познания? Совершили ли вы уже кражу или убийство, чтобы узнать, каково на душе у вора и убийцы?

58

Видеть и все же не верить, — первая добродетель познающего; видимость — величайший его искунитель.

59

Чем ближе ты к полному охлаждению в отношении всего чтимого тобою донныне, тем больше приближаешься ты и к новому разогреванию.

60

В усталости нами овладевают и давно преодоленные понятия.

61

Нечто схожее с отношением обоих полов друг к другу есть и в отдельном человеке, именно, отношение воли и интеллекта (или, как говорят, сердца и головы) — это суть мужчина и женщина; между ними дело идет всегда о любви, зачатии, беременности. И заметьте хорошенько: /сердце/ здесь мужчина, а /голова/ — женщина!

62

Одухотворяет сердце; дух же сидит и вселяет мужество в опасности. О, уж этот язык!

63

Лишь человек делает мир мыслимым — мы все еще заняты этим: и если он его однажды понял, он чувствует, что мир отныне его /творение/ — ах, и вот же ему приходится теперь, подобно всякому творцу, /любить/ свое творение!

64

Высшее мужество познающего обнаруживается не там, где он вызывает удивление и ужас, — но там, где далекие от познания люди /воспринимают/ его поверхностным, низменным, трусливым, равнодушным.

65

Это свойственное познаванию хорошее, тонкое, строгое чувство, из которого вы вовсе не хотите сотворить себе добродетели, есть цвет многих добродетелей: но заповедь "ты должен", из которого оно возникло, уже не предстает взору; корень ее сокрыт под землей.

66

Больные лихорадкой видят лишь призраки вещей, а те, у кого нормальная температура, — лишь тени вещей; при этом те и другие нуждаются в одинаковых словах.

67

Что вы знаете о том, как сумасшедший любит разум, как лихорадящий любит лед!

68

Кто в состоянии сильно ощутить взгляд мыслителя, тот не может отделаться от ужасного впечатления, которое производят животные, чей глаз медленно, как бы на стержне, /выращивается/ из головы и оглядывается вокруг.

69

Он одинок и лишен всего, кроме своих мыслей: что удивительного в том, что он часто нежится и лукавит с ними и дергает их за уши! — А вы, грубияны, говорите — он /скептик/.

70

Кому свойственно отвращение к возвышенному, тому не только «да», но и «нет» кажется слишком патетическим, — он не принадлежит к отрицающим умам, и, случись ему оказаться на их путях, он внезапно останавливается и бежит прочь — в заросли скепсиса.

71

Когда спариваются скепсис и томление, возникает /мистика/.

72

Чья мысль хоть раз переступала мост, ведущий к мистике, тот не возвращается оттуда без мыслей, не отмеченных стигматами.

73

Вера в причину и следствие коренится в сильнейшем из инстинктов: в инстинкте мести.

74

Кто /чувствует/ несвободу воли, тот душевнобольной; кто /отрицает/ ее, тот глуп.

75

Совершенное познание необходимости устранило бы всякое «долженствование», — но и постигло бы необходимость «долженствования», как следствие /незнания/.

76

Против /эпикурейцев/. — Они /избавились/ от какого-то заблуждения и наслаждаются волей, как бывшие пленники. Или они преодолели, либо /верят/ в то, что преодолели, противника, к которому испытывали ревность, — без малейшего сочувствия к тому, кто ощущал себя не в плену, а в /безопасности/, - без сочувствия и к страданию самих преодоленных.

77

Я различаю среди философствующих два сорта людей: одни всегда размышляют о своей защите, другие — о нападении на своих врагов.

78

Нести при себе свое золото в неотчеканенном виде связано с неудобствами; так поступает мыслитель, лишенный формул.

79

/Дюринг/: человек, отпугивающий сам от своего образа мыслей и, как вечно тывкающий и кусачий пес на привязи, улегшийся перед своей философией. Никто не пожелает себе такую обрызганную слюною душу. Оттого его философия не привлекает.

3. ПОСЛЕ СМЕРТИ БОГА

80

Кто хочет оправдать существование, тому надобно еще и уметь быть адвокатом Бога перед дьяволом.

81

Настало время, когда дьявол должен быть адвокатом Бога: если и сам он хочет иначе продлить свое существование.

82

Богу, который любит, не делает чести заставлять любить Себя: он скорее предпочел бы быть ненавистным.

83

Каждая церковь — камень на могиле Богочеловека: ей непременно хочется, чтобы Он не воскрес снова.

84

Верующий находит своего естественного врага не в свободомыслящем, а в религиозном человеке.

84a

Сильнее всего ненавистен верующему не свободный ум, а новый ум, обладающий новой верой.

85

Содеянное из любви /не/ морально, а религиозно.

86

Кто не находит больше в Боге великого как такового, тот вообще не находит его уже нигде — он должен либо отрицать его, либо созидать.

87

Любя, мы творим людей по подобию /нашего/ Бога, — и лишь затем мы от всего сердца ненавидим /нашего/ дьявола.

88

Творить: это значит — выставлять из себя нечто, делать себя более пустым, более бедным и более любящим. Когда Бог сотворил мир, Он и сам был тогда не больше чем пустым понятием — и любовью к сотворенному.

89

Вы называете это саморазложением Бога: но это лишь его шелушение — он сбрасывает свою моральную кожу! И вскоре вам предстоит увидеть Его снова, по ту сторону добра и зла.

90

Господствовать — и не быть больше рабом Божиим: /осталось/ лишь это средство, чтобы облагородить людей.

4. О МОРАЛИ

91

Мораль — это важничанье человека перед природой.

92

"Не существует человека, ибо не существовало первого человека!" — так заключают животные.

93

Должно быть, некий дьявол изобрел мораль, чтобы замучить людей гордостью: а другой дьявол лишит их однажды ее, чтобы замучить их самопрезрением.

94

Мораль нынче увертка для лишних и случайных людей, для нищего духом и силою отребья, которому не /следовало бы/ жить, — мораль, поскольку милосердие; ибо она говорит каждому: "ты все-таки представляешь собою нечто весьма важное", — что, разумеется, есть ложь.

95

/Условия существования/ некоего существа, поскольку они выражают себя в плане /"долженствования"/, суть его /мораль/.

96

Когда морализируют добрые, они вызывают отвращение; когда морализируют злые, они вызывают страх.

97

Во всякой морали дело идет о том, чтобы /открывать/ либо /искать/ высшие состояния жизни/, где /разъятые/ доселе способности могли бы соединиться.

98

В моей голове нет ничего, кроме личной морали, и сотворить себе право на нее составляет смысл всех моих исторических вопросов о морали. Это ужасно трудно — сотворить себе такое /право/.

99

Право на новые собственные /ценности/ — откуда возьму я его? Из права всех старых ценностей и границ этих ценностей.

100

"Послушание" и «закон» — это звучит из всех моральных чувств. Но «произвол» и «свобода» могли бы стать еще, пожалуй, последним звучанием морали.

101

Ах, как удобно вы пристроились! У вас есть закон и дурной глаз на того, кто только в /помыслах/ обращен против закона. Мы же свободны — что знаете вы о муке ответственности в отношении самого себя!

102

В каждом поступке высшего человека ваш нравственный закон стократно нарушен.

103

Вас назовут истребителями морали: но вы лишь открыватели самих себя.

104

"Если ты ведаешь, что творишь, ты блажен, — но если ты не ведаешь этого, ты проклят и преступник закона", — сказал Иисус одному человеку, нарушившему субботу: право, обращенное ко всем нарушителям и преступникам.

105

Иисус из Назарета любил злых, а не добрых: даже его доводил до проклятий их морально негодующий вид. Всюду, где вершился суд, он выступал против судящих: он хотел быть истребителем морали.

106

"Добро и зло суть предрассудки Божьи", — сказала змея. Но и сама змея была предрассудком Божьим.

107

"Религиозный человек", «глупец», «гений», «преступник», «тиран» — все это суть дурные названия и частности, замещающие кого-то неназываемого.

108

Можно с одинаковым успехом выводить свойства добрых людей из зла, а свойства злых людей из добра: из какого же контраста вывести самого /Ларошфуко/?

109

Сквозь /Ларошфуко/ просвечивает весьма /знатный/ образ мыслей тогдашнего общества: сам он — разочарованный идеалист, подыскивающий, по /инструкции христианства/, /скверные наименования/ для движущих сил своей эпохи.

110

"Есть герои как в злом, так и в добром" — это совершенная наивность в устах какого-нибудь /Ларошфуко/.

111

Сотворить идеал — /это значит/: /переделать/ своего дьявола в /своего/ Бога. А /для этого/ надобно прежде всего сотворить своего дьявола.

112

Следует оберегать зло, как оберегают лес. Верно то, что вследствие редения и раскорчевок леса земля потеплела

113

Зло и великий аффект потрясают нас и опрокидывают все, что есть в нас трухлявого и мелкого: вам следовало бы прежде испытать, не смогли бы вы стать великими.

114

Нельзя связывать /одним/ словом презренного человека с человеком страшным.

115

Чтобы понадобился тормоз, необходимо прежде всего колесо! Добрые суть тормоз: они сдерживают, они поддерживают.

116

Нечистая совесть — это налог, которым изобретение чистой совести обложило людей.

117

Есть степень заядлой лживости, которую называют "чистой совестью".

118

Моральные люди испытывают самодовольство при угрызениях совести.

119

Моральное негодование есть коварнейший способ мести.

120

Остерегайтесь морально негодующих людей: им присуще жало трусливой, скрытой даже от них самих злобы.

121

Я рекомендую всем мученикам поразмыслить, не жажда ли мести довела их до крайности.

122

Не следует искать морали (того менее — моральности) у писателей, пишущих на моральные темы; /моралисты/ в большинстве суть забитые, страдающие, бессильные, мстительные люди, — их тенденция сведена к толике счастья: больные, которые воображают, что суть в выздоровлении.

123

"Серьезный", «строгий», «нравственный» — так называете вы его. Мне он кажется злым и несправедливым к себе самому, всегда готовым наказать нас за это и корчить из себя нашего палача — досадуя на то, что мы не позволяем ему этого.

124

Корысть и страсть связаны брачными узами; этот брак называют себялюбием — это несчастливый брак!

125

Большинство людей слишком глупы, чтобы быть корыстными.

126

У воров, разбойников, ростовщиков и спекулянтов себялюбие, в сущности, обнаруживается достаточно неприятельным и скромным образом: нелегко желать от людей меньшего, чем когда желаешь только их денег.

127

Лишь когда самолюбие станет однажды больше, умнее, утонченнее, изобретательнее, будет мир /выглядеть/ "само-отверженнее".

128

К комарам и блохам не следует испытывать сострадания. Было бы правильным вздергивать на виселицу лишь мелких воришек, мелких клеветников и оскорбителей.

129

Естественные последствия поступка мало принимаются в расчет, поскольку в числе этих последствий фигурируют публичные наказание и поругание. Здесь пробивается великий источник всяческого верхоглядства.

130

Не следует стыдиться самих аффектов; они для этого слишком неразумны.

131

Для того, кто сильно отягчен своим разумом, аффект оказывается отдыхом: именно в качестве неразумия.

132

Всегда говорят о /причинах/ аффектов и называют их /поводы/.

133

В аффекте обнаруживается не человек, но его аффект.

134

При известных условиях наносится гораздо меньший общий вред, когда кто-то срывает свои аффекты на других, чем на самом себе: в особенности это относится к творческим натурам, сулящим большую пользу.

135

Побороть свой аффект — значит в большинстве случаев временно воспрепятствовать его излиянию и образовать затор, стало быть, сделать его более опасным.

136

Мы находим у различных людей /одинаковое количество/ страстей, впрочем по-разному поименованных, оцененных и тем самым разно/направленных/. /Добро/ и /зло/ отличаются друг от друга различной иерархией страстей и господством целей.

137

Почитание само есть уже страсть — как и оскорбление. Через /почитание "страсти"/ становятся /добродетелями/.

138

Домогание есть счастье; удовлетворение, переживаемое как счастье, есть лишь последний момент домогания. Счастье — быть сплошным желанием и вместо исполнения — все новым желанием.

139

Говорят: «удовольствие» — и думают об уладах, говорят: «чувство» — и думают о чувственности, говорят: «тело» — и думают о том, что "ниже тела", — и таким вот образом была обесчещена троица хороших вещей.

140

Лишь тот порочный человек несчастен, у кого потребность в пороке растет вместе с отвращением к пороку — и никогда не зарастает им.

141

Не путать /смелость и чувство достоинства/, /присущие самолюбию/ с органически присущей смелостью: это — принуждение, при котором терпишь немалый /ущерб/ в собственной одаренности.

142

Если я почитаю какое-либо чувство, то почитание вырастает в само чувство.

143

Культивируя месть, пришлось бы отучиться и от благодарности, — но не и от любви.

144

Кто страстно взыскует справедливости, тот ощущает как облегчение и наиболее болезненный из своих аффектов.

145

И глубокая ненависть есть идеалистка: делаем ли мы при этом из нашего противника бога или дьявола, в любом случае мы оказываем ему этим слишком много чести.

146

Вначале ложь была моральна. /Утверждались/ стадные мнения.

147

Правдивый человек в конце концов приходит к пониманию, что он всегда лжет.

148

Кому нет нужды в том, чтобы лгать, тот извлекает себе пользу из того, что он не лжет.

149

"Нет сомнения, что верующие в эту вещь преуспевают во лжи и обмане: следовательно, все в ней обман и ложь" — так заключают верхогляды. Кто глубже знает людей, тот придет к обратному заключению: "следовательно, в этой вещи есть нечто истинное: верующие в нее выдают таким образом, сколь уверенно чувствуют они себя и сколь хорошей кажется им всякая наживка, если только она заманивает кого-нибудь к этой вещи".

150

Толковать свои склонности и антипатии как свой долг — большая нечистоплотность "добрых"!

151

Можно было бы представить себе высокоморальную лживость, при которой человек осознает свое половое влечение только как /долг/ зачинать детей.

152

Utile — это лишь средство; его целью служит всегда какое-то dulce: будьте же честны, господа дульсиарии!

153

/Каждый/ поступок продолжает созидать /нас/ самих, он ткет наше пестрое одеяние. Каждый поступок свободен, но одеяние необходимо. Наше /переживание/ — вот наше одеяние.

154

Стоит нам только на один шаг переступить среднюю меру человеческой доброты, как наши поступки вызывают недоверие. Добродетель покоится как раз "посередине".

155

Иное существование лишено смысла, разве что оно заставляет нас забыть другое существование. И есть также опийные поступки.

156

Наши самоубийцы дискредитируют самоубийство — не наоборот.

157

Мы должны быть столь же жестокими, сколь и сострадательными: остережемся быть более бедными, чем сама природа!

158

Жестокость бесчувственного человека есть антипод сострадания; жестокость чувствительного — более высокая потенция сострадания.

159

Причислять к морали (или даже считать за саму мораль) сострадание и деликатность чувства в отношении ближних есть признак тщеславия, если /предположить/, что по натуре сам являешься сострадательным и деликатным, — стало быть, недостаток гордости и благородства души.

160

Радость от ущерба, нанесенного другому, представляет собой нечто иное, чем жестокость; последняя есть /наслаждение/, причиняемое состраданием, и достигает крайней точки при кульминации самого сострадания (в том случае, когда мы любим того, кого пытаем). Если кто-то другой причинил бы боль тому, кого мы любим, тогда бы мы пришли бы в бешенство, и сострадание было бы крайне /болезненным/. Но мы любим его, и боль ему причиняем /мы/. Оттого сострадание делается чудовищно сладким: оно есть /противоречие/ двух контрастных и сильных инстинктов, действующих здесь /в высшей степени возбуждающе/. — Причинение себе телесного повреждения и похоть, уживающиеся друг с другом, суть одно и то же. Или просветленнейшее сознание при свинцовой тяжести и неподвижности после опиума.

161

Есть много жестоких людей, которые лишь чересчур трусливы для жестокости.

162

Где всегда добровольно берут на себя страдания, там вольны также доставлять себе этим удовольствие.

163

Если обладаешь волей к страданию, то это лишь шаг к тому, чтобы возобладать и волей к жестокости, — именно в качестве как права, так и долга.

164Посредством доброй воли к помощи, состраданию, подчинению, отказу от личных притязаний даже незначительные и поверхностные люди внешне делаются полезными и сносными. Не следует только разубеждать их в том, что это воля есть "сама добродетель".

165

Прекраснейшие цвета, которыми светятся добродетели, выдуманы теми, кому их не доставало. Откуда, например, берет свое начало бархатный глянец доброты и сострадания? — Наверняка не от добрых и сострадательных.

166

Давать каждому свое — это значило бы: желать справедливости и достигать хаоса.

167

Что "глупая женщина с добрым сердцем стоит высоко над гением", это звучит весьма учтиво — в устах гения. Это его любезность, — но это и его смышленость.

168

Когда мы прельщаемся собой и не в силах больше любить себя, то следует в порядке профилактики посоветовать любовь к ближнему: в той мере, в какой ближние мигом вынудят нас /уверовать/ в то, что и мы "стоим любви".

169

Непрерывно упражняясь в искусстве выносить всякого рода ближних, мы бессознательно упражняемся выносить самих себя, что, по сути, является самым непонятным достижением человека.

170

"Возлюби ближнего своего" — это значит прежде всего: "Оставь ближнего своего в покое!" — И как раз эта деталь добродетели связана с наибольшими трудностями.

171

Я не понимаю, к чему заниматься злословием. Если хочешь насолить кому-либо, достаточно лишь сказать о нем какую-нибудь правду.

172

Даже когда народ пьтится, он пьтится за идеалом — и верит в некое "вперед".

173

Только человек сопротивляется направлению гравитации: ему постоянно хочется падать — /вверх/.

5. ИСКУССТВО И ХУДОЖНИК

174

Женщина и гений не трудятся. Женщина была до сих пор величайшей роскошью человечества. Каждый раз, когда мы /делаем/ все, что в наших силах, мы не трудимся. Труд — лишь средство, приводящее к этим мгновениям.

175

Мое направление в /искусстве/: продолжать творить не там, где пролегают /границы/, но там, где простирается /будущее человека/. Необходимы образы, по которым можно будет /жить/!

176

Красота /тела/ — слишком /"поверхностно"/ понималась она художниками: за этой поверхностной красотой должна была бы воспоследовать красота всего строения организма, — в этом отношении высочайшие образы /стимулируют сотворение прекрасных личностей/: это и есть смысл искусства, — кто чувствует себя пристыженным в его присутствии, того оно делает /недовольным/, и охочим до творчества того, кто достаточно силен. Следствием /драмы/ бывает: "И я хочу быть, как этот герой" — стимулирование творческой, обращенной на нас самих силы!

177

/Умолканье/ перед прекрасным есть глубокое /ожидание/, /вслушивание/ в тончайшие, отдаленнейшие тона — мы ведем себя подобно человеку, который весь обращается в слух и зрение: красота имеет /нам нечто сказать/, /поэтому/ мы /умолкаем/ и не думаем ни о чем, /о чем мы обычно думаем/. Тишина, присущая каждой созерцательной, терпеливой натуре, есть, стало быть, некая /подготовка/, /не больше/. Так обстоит со всякой контемплицией: эта утонченная податливость и расслабленность, эта гладкость, в высшей степени чувствительная, уступчивая в отношении нежнейших впечатлений. А как же /внутренний покой/, /чувство

удовлетворенности/, /отсутствие напряжения/? Очевидно, здесь имеет место некое весьма /равномерное излияние нашей силы/: мы как бы /приспосабливаемся/ при этом к высоким колоннадам, по которым мы бродим, и сообщаем своей душе такие движения, которые сквозь покои и грацию суть /подражания/ тому, что мы видим. Словно бы некое благодатное общество вдохновляло нас на благородные жесты.

178

Смысл наших садов и дворцов (и поскольку же смысл всяческого домогания богатств) заключается в том, чтобы /выдворить из наших взоров беспорядок и пошлость и сотворить родину дворянству души/. Людям по большей части кажется, что они делают /более высокими натурами/, давая воздействовать на себя этим прекрасным, спокойным предметам: отсюда погоня за Италией, путешествия и т. д., всяческое чтение и посещение театров. /Они хотят формироваться/ — таков смысл их культурной работы! Но сильные, могущественные натуры хотят /формировать/ и /изгнать из своего окружения все чуждое/. Так же уходят люди и в великую природу: не для того, чтобы находить себя, а чтобы утрачивать и забывать себя в ней. "/Быть-вне-себя/" как желание всех.

179

Чарующее произведение! Но сколь нестерпимо то, что творец его всегда напоминает нам о том, что это /его/ произведение.

180

Он научился выражать свои мысли, но с тех пор ему уже не верят. Верят только заикающимся.

181

Кто, будучи поэтом, хочет платить наличными, тому придется платить /собственными/ переживаниями: оттого именно не выносит поэт своих ближайших друзей в роли толкователей — они разгадывают, отгадывая /вспять/. Им следовало бы восхищаться тем, /куда/ приходит некто путями своих страданий, — им следовало бы учиться смотреть вперед и вверх, а не назад и вниз.

182

Вовсе не легко отыскать книгу, которая научила нас столь же многому, как книга, написанная нами самими.

183

Сначала приспособление к творению, затем приспособление к его Творцу, говорившему только символами.

184

Вера в форме, неверие в содержании — в этом вся прелесть сентенции, — следовательно, моральный парадокс.

185

Страстные, но бессердечные и артистичные — таковыми были греки, таковыми были даже греческие философы, как /Платон/.

186

Отнюдь не самым желательным является умение переваривать все, что создало прошлое: так, я желал бы, чтобы /Данте/ в корне противоречил нашему вкусу и желудку.

187

Величайшие трагические мотивы остались до сих пор неиспользованными: ибо что знает какой-нибудь поэт о сотне трагедий совести?

188

"Герой радостен" — это ускользало до сих пор от сочинителей трагедий.

189

"Фауст", трагедия познания? В самом деле? Я «смеюсь» над Фаустом.

190

Видеть в /Гамлете/ вершину человеческого духа — по мне это значит скромничать в отношении духа и вершины. Прежде всего это /неудавшееся/ произведение: его автор, пожалуй, смеялся, согласился бы со мной, скажи я ему это в лицо.

191

Вы сказали /мне/, что есть тон и что слух: но что за дело до этого музыканту? Объяснили ли вы тем самым музыку или же опровергли?

192

Существует гораздо больше языков, чем думают, и человек выдает себя гораздо чаще, чем ему хотелось бы. Что только не обладает речью? — Но слушателей всегда бывает меньше, так что человек как бы выбалтывает свои признания в пустое пространство: он расточает свои «истины», подобно солнцу, расточающему свой свет. — Ну разве не досадно, что у пустого пространства нет ушей?

193

Лишь теперь брезжит человеку, что музыка — это символический язык аффектов: а впоследствии научатся еще отчетливо узнавать систему влечений музыканта из его музыки. Он, должно быть, и не подозревал, что /выдает себя тем самым/. Такова /невинность/ этих добровольных признаний, в противоположность всем литературным произведениям.

194

Если бы богине Музыке вздумалось говорить не тонами, а словами, то пришлось бы заткнуть себе уши.

195

В современной музыке дано звучащее единство религии и чувственности и, стало быть, больше женщины, чем когда-либо в прежней музыке.

196

/Вагнер/ не испытывал недостатка в благодеяниях со стороны своих современников, но ему казалось, что принципиальная несправедливость по отношению к благодетелям принадлежит к "большому стилю": он жил всегда, как актер, и в плену у иллюзии образования, к которому по обыкновению влекутся все актеры. Я сам, должно быть, был величайшим его благодетелем. Возможно, что в этом случае образ переживет того, кто в нем изображен: причина этого лежит в том, что в образе, созданном мною, есть еще место для целого множества действительных Вагнеров, и прежде всего — для гораздо более одаренных и более чистых в намерениях и целях.

197

Наиболее вразумительным в языке является не слово, а тон, сила, модуляция, темп, с которыми проговаривается ряд слов, — короче, музыка за словами, страсть за этой музыкой, личность за этой страстью: стало быть, все то, что не может быть /написано/. Посему никаких дел с писательщиной.

198

К УЧЕНИЮ О СТИЛЕ

1

Первое, что необходимо здесь, есть /жизнь/: стиль должен /жить/.

2

Стиль должен всякий раз быть соразмерным /тебе/ относительно вполне определенной личности, которой ты хочешь довериться. (Закон /двойного соотношения/.)

3

Прежде чем быть вправе писать, следует точно знать: "это я высказал бы и /испортил бы/ таким-то и таким-то образом". Писание должно быть только подражанием.

4

Поскольку пишущему /недостает/ множества /средств исполнителя/, ему надлежит в общем запастись неким образцом /весьма выразительного/ способа исполнения: отражение этого, написанное, неизбежно окажется уже намного более блеклым (и для тебя более естественным).

5

Богатство жизни выдает себя через /богатство жестов/. /Нужно учиться/ ощущать все — длину и краткость предложения, пунктуацию, выбор слов, паузы, последовательность аргументов — как жесты.

6

Осторожно с периодами! Право на периоды дано лишь тем людям, которым и в речи свойственно долгое дыхание. Для большинства период — это вычурность.

7

Стиль должен доказывать, что /веришь/ в свои мысли и не только мыслишь их, но и /ощущаешь/.

8

Чем абстрактней истина, которую намереваешься преподавать, тем ревностнее следует совращать к ней /чувства/.

9

Такт хорошего прозаика в том, чтобы /вплотную подступиться/ к поэзии, но /никогда/ не переступить черты. Без тончайшего чувства и одаренности в самом поэтическом невозможно обладать этим тактом.

10

Предупреждать легкие возражения читателя — неучтиво и неблагоразумно. Большой учтивостью и /большим благоразумием/ было бы — предоставить читателю /самому высказать/ последнюю квинтэссенцию нашей мудрости.

6. МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

199

Убожество в любви охотно маскируется отсутствием /достойного/ любви.

200

Безусловная любовь включает также и страстное желание быть истязуемым: тогда она изживается вопреки самой себе, и из готовности отдаться превращается под конец даже в желание самоуничтожения: "Утони в этом море!"

201

Желание любить выдает утомленность и пресыщенность собой; желание быть любимым, напротив, — тоску по себе, себялюбие. Любящий раздражает себя; тот, кто хочет стать любимым, стремиться получить в подарок самого себя.

202

Любовь — /плод послушания/: но расположение полов часто оказывается между плодом и корнем, а плод самой любви свобода.

203

Любовь к жизни — это почти противоположность любви к долгожительству. Всякая любовь думает о мгновении и вечности, — но /никогда/ о "продолжительности".

204

Дать своему аффекту имя — значит уже сделать шаг за пределы аффекта. Глубочайшая любовь, например, не умеет назвать себя и, вероятно, задается вопросом: "не есть ли я ненависть?".

205

Немного раздражения вначале и — и вслед за этим большая любовь? Так от трения спички происходит взрыв.

206

Жертвы, которые мы приносим, доказывают лишь, сколь незначительной делается для нас любая другая вещь, когда мы /любим/ нечто.

207

Не через взаимную любовь прекращается несчастье неразделенной любви, но через большую любовь.

208

Не то, что мешает нам быть любимыми, а то, что мешает нам любить полностью, ненавидим мы больше всего.

209

Гордость внушает злополучно влюбленному, что возлюбленная его несколько не заслуживает того, чтобы быть любимой им. Но более высокая гордость говорит ему: "Никто не заслуживает того, чтобы быть любимым, — ты лишь недостаточно любишь ее!"

210

"Моя любовь вызывает страх, она столь взыскательна! Я не могу любить, не веря в то, что любимый мною человек предназначен совершить нечто бессмертное. А он догадывается, во что я верю, чего я требую!"

211

"Я сержусь: ибо ты неправ" так думает любящий.

212

Требование взаимности не есть требование любви, но тщеславия и чувственности.

213

Удивительно, на какую только глупость ни способна чувственность, прельщенная любовью: она вдруг начисто

лишается хорошего вкуса и называет безобразное прекрасным, достаточно лишь любви убедить ее в этом.

214

Действительно справедливые люди недароприимны (unbeschenkbar): они возвращают все обратно. Оттого у любящих они вызывают отвращение.

215

Всегда возвращать обратно: не принимать никаких даров, кроме как в /вознаграждение/ и в знак того, что мы по ним /узнаем/ действительно любящих и возмещаем это /нашей любовью/.

216

Повелительные натуры будут повелевать даже своим Богом, сколько бы им ни казалось, что они служат Ему.

217

Ревность — остроумнейшая страсть и тем не менее все еще величайшая глупость.

218

Самец жесток к тому, что он любит, — не из злобы, а из того, что он слишком бурно ощущает себя в любви и начисто лишен какого-либо чувства к чувству другого.

219

Величайшее в великих — это материнское. Отец — всегда только случайность.

220

Стремление стать функцией — женский идеал любви. Мужской идеал — ассимиляция и возобладание либо сострадание (культ страдающего Бога).

221

Женщина не хочет признаваться себе, насколько она любит в своем возвышенном мужчину (именно мужчину); оттого обожествляет она «человека» в нем — перед собой и другими.

222

Женщины гораздо более чувствительны, чем мужчины, — именно потому, что они далеко не с такой силой осознают чувственность как таковую, как это присуще мужчинам.

223

Для всех женщин, которым обычай и стыд воспрещает удовлетворение полового влечения, религия, как духовное расцепление эротической потребности, оказывается чем-то незаменимым.

224

/Потребности сердца/. Животные во время течки не с такой легкостью путают свое сердце и свои вожеления, как это делают люди и особенно бабенки.

225

Если женщина нападает на мужчину, то оттого лишь, чтобы защититься от женщины. Если мужчина заключает с женщиной дружбу, то ей кажется, что он делает это оттого, что не в состоянии добиться большего.

226

Наш век охоч до того, чтобы приписывать умнейшим мужам вкус к незрелым, скудоумным и покорным простушкам, вкус Фауста к Гретхен: это свидетельствует против вкуса самого столетия и его умнейших мужей.

227

У многих женщин, как у медиумических натур, интеллект проявляется лишь внезапно и толчками, притом с неожиданной силой: дух веет тогда "над ними", а не из них, как кажется. Отсюда их трехглазая смышленость в путаных вещах, — отсюда же их вера в наитие.

228

Женщин лишает детскости то, что они постоянно возятся с детьми, как их воспитатели.

229

Достаточно скверно! Время брака наступает гораздо раньше, чем время любви: понимая под последним свидетельство зрелости у мужчины и женщины.

230

Возвышенная и честная форма половой жизни, форма страсти, обладает нынче /нечистой/ совестью. А пошлейшая и бесчестнейшая — /чистой/ совестью.

230a

Брак — это наиболее изогланная форма половой жизни, и как раз поэтому на его стороне чистая совесть.

231

Брак может оказаться впору таким людям, которые не способны ни на любовь, ни на дружбу и охотно стараются ввести себя и других в заблуждение относительно этого недостатка, — которые, не имея никакого опыта ни в любви, ни в дружбе, не могут быть разочарованы и самим браком.

231a

Брак выдуман для посредственных людей, которые бездарны как в большой любви, так и в большой дружбе, — стало быть, для большинства: но и для тех вполне редкостных людей, которые способны как на любовь, так и на дружбу.

231b

Кто не способен ни на любовь, ни на дружбу, тот вернее всего делает свою ставку — на брак.

7. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ВСЯЧИНА

232

Кто сильно /страдает/, тому /завидует/ дьявол и выдворяет на небо.

233

Нужно гордо поклоняться, если не можешь быть идолом.

234

У язвительного человека чувство пробивается наружу редко, но всегда очень громко.

235

Лабиринтный человек никогда не ищет истины, но всегда лишь Ариадну, — что бы ни говорил нам об этом он сам.

236

В старании /не/ познать самих себя обыкновенные люди выказывают больше тонкости и /хитрости/, чем утонченнейшие мыслители в их противоположно старании — /познать/ себя.

237

Есть дающие натуры и есть воздающие.

238

Даже в своем голоде по человеку ищешь, прежде всего, /удобоваримой/ пищи, хотя она и была малокалорийной: подобно картофелю.

239

Многое мелкое счастье дарит нас многим мелким убожеством: оно портит этим характер.

240

Всяким маленьким счастьем надлежит пользоваться, как больной постелью: для выздоровления — и никак иначе.

241

Испытываешь ужас при мысли о том, что внезапно испытываешь ужас.

242

После опьянения победой всегда проявляется чувство большой утраты: наш враг, наш враг мертв! Даже потерю друга оплакиваем мы не столь глубоко — и оттого громче!

243

Потребность души не следует путать с потребностью /в душе/: последняя свойственна отдельным холодным натурам.

244

Помимо нашей способности к суждениям мы обладаем еще и нашим /мнением/ о нашей способности судить.

245

Ты хочешь, чтобы тебя оценивали по твоим замыслам, а /не/ по твоим действиям? Но откуда же у тебя твои замыслы? Из твоих действий!

246

Только несгибаемый вправе молчать о самом себе.

247

Мы начинаем подражателями и кончаем тем, что подражаем себе, — это есть последнее детство.

248

"Я оправдываю, ибо и я поступил бы так же — историческое образование. Мне страшно! Это значит: "я терплю самого себя — раз так!"

249

Если что-то не удастся, нужно вдвое оплачивать помощь своему помощнику.

250

Наши недостатки суть лучшие наши учителя: но к лучшим учителям всегда бываешь неблагодарным.

251

Наше внезапно возникающее отвращение к самим себе может в равной степени быть результатом как утонченного вкуса, — так и испорченного вкуса.

252

Лишь в зрелом муже становится /характерный признак семьи/ вполне очевидным; меньше всего в легко возбудимых, импульсивных юношах. Прежде должна наступить тишина, а /количество/ влияний, идущих извне, сократиться; или, с другой стороны, должна значительно ослабеть /импульсивность/. — Так, /стареющим/ народам свойственна словоохотливость по части /характерных для них свойств/, и они отчетливее обнаруживают эти свойства, чем в пору своего /юношеского цветения/.

253

Всякое сильное ожидание переживает свое исполнение, если последнее наступает раньше, чем — его ожидали.

254

Для очень одинокого и шум оказывается утешением.

255

Одиночество придает нам большую черствость по отношению к самим себе и большую ностальгию по людям: в обоих случаях оно улучшается характер.

256

Иной находит свое сердце не раньше, чем он теряет свою голову.

257

Есть черствость, которой хотелось бы, чтобы ее понимали как силу.

258

Человек никогда не имеет, ибо человек никогда не /есть/. Человек всегда приобретает или теряет.

259

Доподлинно знать, что именно причиняет нам боль и с какой легкостью некто причиняет нам боль, и, зная это, как бы наперед предуказывать своей мысли безболезненный для нее путь — к этому и сводится все у многих любезных людей: они доставляют радость и вынуждают других излучать радость, — так как их /очень страшит боль/, это называется «чуткостью». — Кто по черствости характера привык рубить плеча, тому нет нужды ставить себя таким образом на место другого, и /зачастую/ он причиняет ему /боль/: он и /понятия не имеет/ об этой легкой одаренности на боль.

260

Можно так сродниться с кем-нибудь, что видишь его во сне делающим и претерпевающим все то, что он делает и претерпевает наяву, — настолько сам ты мог бы сделать и претерпеть это.

261

"Лучше лежать в постели и чувствовать себя больным, чем быть /вынужденным делать/ что-то" — по этому негласному правилу живут все самоистязатели.

262

Люди, недоверчивые в отношении самих себя, больше хотят быть любимыми, нежели любить, дабы однажды, хотя бы на мгновение, суметь поверить в самих себя.

263

Этой паре присущ, по сути дела, одинаковый дурной вкус: но один из них тщится убедить себя и нас в том, что вкус этот — верх изысканности. Другой же стыдится своего вкуса и хочет убедить себя и нас в том, что ему присущ иной и более изысканный — наш вкус. К одному из этих типов относятся все филистеры образования.

264

Он называет это верностью своей партии, но это лишь его комфорт, позволяющий ему не вставать больше с этой постели.

265

Для переваривания, в целях здоровья, потребна некоторого рода лень. Даже для переваривания переживания.

266

Вид наивного человека доставляет мне наслаждение, если только по природе он зол и наделен умом.

267

Изворотливые люди, как правило, суть обыкновенные и несложные люди.

268

Чтобы взыскивать неприятные последствия собственной глупости на саму свою глупость, а не на свой характер, — для этого требуется больше характера, чем есть у большинства людей.

269

Там, где дело идет о большом благополучии, следует /накоплять/ свою репутацию.

270

/Стендаль/ цитирует как закулисную сентенцию: "Telle trouve a se vendre, qui n'eut pas trouve a se donner". "Никто не хочет ее задаром: оттого вынуждена она продаваться!" — сказал бы я.

271

Человек придает поступку ценность, но как удалось бы поступку придать человеку ценность!

272

Есть персоны, которые хотели бы вынудить каждого к полному приятию или отрицанию их собственной персоны, — к таковым принадлежал /Руссо/: их мучительный бред величия проистекает из их недоверия к самим себе.

273

Я воспринимаю как вредных всех людей, которые не могут больше быть противниками того, что они любят: они

портят тем самым лучшие вещи и лучших людей.

274

Я хочу знать, если ли ты /творческий/ или /переделывающий/ человек, в каком-либо отношении: как творческий, ты принадлежишь к свободным, как переделывающий, ты — их раб и оружие.

275

"Не будем говорить об этом!" — "Друг, /об этом/ мы не вправе даже молчать".

276

Берегись его: он говорит лишь для того, чтобы затем получить право слушать, — ты же, собственно, слушаешь лишь для оттого, что неуместно всегда говорить, и это значит: ты слушаешь плохо, а он только и умеет что слушать.

277

У нас есть что сказать друг другу: и как хорошо нам спорить — ты влеком страстями, я полон оснований.

278

Он поступил со мной несправедливо — это скверно. Но что он хочет теперь выпросить у меня прощения за свою несправедливость, это уже по части вылезания-из-кожи-вон!

279

После разлада/: "Пусть говорят мне что угодно, чтобы причинить мне боль; слишком мало знают меня, чтобы быть в курсе, что больше всего причиняет мне боль".

280

Ядовитейшие стрелы посылаются вслед за тем, кто отделяется от своего друга, не оскорбляя его даже.

281

Поверхностные люди должны всегда лгать, так как они лишены содержания.

281a

К этому человеку пригнан не его внешний вид, но его внутренний мир: он ничуть не хочет казаться мнимым и плоским — каковым он все-таки является.

282

Противоположностью актера является не честный человек, но исподтишка пролгавшийся человек (именно из них выходят большинство актеров).

283

Актеры, не сознающие своего актерства, производят впечатление настоящих алмазов и даже превосходят их — блеском.

284

Актерам некогда дожидаться справедливости: и часто я рассматриваю нетерпеливых людей с этой точки зрения — не актеры ли они.

285

Не путайте: актеры гибнут от недохваленности, настоящие люди — от недолюбленности.

286

Так называемые любезники умеют давать нам сдачу и с мелочи любви.

287

Мы хвалим то, что приходится нам по вкусу: это значит, когда мы хвалим, мы хвалим собственный вкус — не грешит ли это против всякого хорошего вкуса?

287a

Хваля, хвалишь всегда самого себя; порицая, порицаешь всегда другого.

288

Ты говоришь: "Мне нравится это" — и мыслишь, что тем самым хвалишь меня. Но /мне/ не нравишься ты!

289

В каждом сношении людей речь идет только о беременности.

290

Кто не оплодотворяет нас, делается нам явно безразличным. Но тот, кого оплодотворяем /мы/, отнюдь не становится тем самым для нас любимым.

291

Со всем своим знанием других людей не выходишь из самого себя, а все больше входишь в себя.

292

/Мы/ более искренни по отношению к другим, чем по отношению к самим себе.

293

Когда сто человек стоят друг возле друга, каждый теряет свой рассудок и получает какой-то другой.

294

Собака оплачивает хорошее расположение к себе покорностью. Кошка наслаждается при этом собою и испытывает сладострастное чувство силы: она ничего не дает обратно.

295

Фамильярность превосходящего нас человека озлобляет, так как мы не можем расплатиться с ним тою же монетой. Напротив, следует посоветовать ему быть вежливым, т. е. постоянно делать вид, что он уважает нечто.

296

Что какой-то человек приходится нам по душе, это мы охотно зачитываем в пользу его и нашей собственной моральности.

297

Кто беден любовью, тот скупиться даже своей вежливостью.

297a

Кто честно относится к людям, тот все еще скупится своей вежливостью.

298

Когда мы желаем отделаться от какого-то человека, нам надобно лишь унижить себя перед ним — это тотчас же заденет его тщеславие, и он уберется восвояси.

299

Бюргерские и рыцарские добродетели не понимают друг друга и чернят друг друга.

300

Незаурядный человек познает в несчастьи, сколь ничтожно все достоинство и порядочность осуждающих его людей. Они лопаются, когда оскорбляют их тщеславие, — нестерпимая, ограниченная скотина предстает взору.

301

Из своего озлобления к какому-то человеку стряпаяшь себе моральное негодование — и любишь себя собою после: а из пресыщения ненавистью — прощение — и снова любишь себя собою.

302

Познавая нечто в человеке, мы в то же время разжигаем в нем это, а кто познает лишь низменные свойства человека, тот обладает и стимулирующей их силой и дает им разрядиться. Аффекты ближних твоих, обращенные против тебя, суть критика твоего познания, сообразно уровню его высоты и низости.

303

Не то, что он делает и замышляет против меня днем, беспокоит меня, а то, что я по ночам всплываю в его снах, — приводит меня в ужас.

304

Культура — это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом.

305

Эпоха величайших свершений окажется вопреки всему эпохой ничтожнейших воздействий, если люди будут резиновыми и чересчур эластичными.

306

/Дюринг/, верхогляд, повсюду ищет коррупцию, — я же ощущаю другую опасность эпохи: великую посредственность — никогда еще не было такого количества /честности/ и /благонравия/.

307

Теперь это только эхо, через что события приобретают «величие»: эхо газет.

307a

Иной лишь после смерти делается великим — через эхо.

308

Этим конституционным монархам вручили добродетель: с тех пор они не могут больше "поступать несправедливо", — но для этого у них и отняли власть.

Хоть бы Европа в скором времени породила /великого государственного/ мужа, а тот, кто нынче, в мелочную эпоху плебейской близорукости, чествует как "великий реалист", пусть пользуется /мелким авторитетом/.

Не давайте себя обманывать! Самые деятельные народы несут в себе наибольшую усталость, их беспокойство есть слабость, — в них нет достаточного содержания, чтобы ждать и лениться.

В Германии гораздо больше чтут желание, нежели умение: это самый подходящий край для несовершенных и претенциозных людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

"Афоризмы, собранные под этим названием, датируются 1882–1885 гг., т. е. время их появления охватывает период от завершения "Веселой науки" до окончательного написания "Так говорил Заратустра". Речь шла об издании отдельной "книги сентенций" в объеме примерно в 600 афоризмов, которые должны были *in puse* содержать квинтэссенцию ницшевской философии; сюда входил не только новый материал, но и подборка отдельных отрывков из обоих томов "Человеческого, слишком человеческого", "Утренней зари" и "Веселой науки". К середине 1883 г. появляются варианты названия книги: "В открытом море", "Молчаливая речь", "По ту сторону добра и зла" (!) и, наконец, "Злая мудрость". Сохранился даже листок с предполагаемым французским эпиграфом: "Il sait goûter sa vie en paresseux sense qui pond sur ses plaisirs. /Duc de Nevers/ ("Он умеет наслаждаться жизнью, как рассудительный ленивец, высиживающий свои удовольствия. /Герцог Неверский/"). Замысел, впрочем, остался неосуществленным, работа над «Заратустрой» и уже после над "По ту сторону добра и зла" превратила собранный материал в /сырье/ к названным книгам (достаточно сказать, что почти весь раздел "Афоризмы и интермедии" в "По ту сторону добра и зла" в готовом виде «заимствован» из "Злой мудрости"). Сохранившиеся материалы были опубликованы в 12-м томе Naumann-Ausgabe (S. 355–422) в редакторском варианте Фрица Кёгеля. Последний исключил из них все афоризмы, повторяющиеся в опубликованных книгах Ницше, сократив таким образом объем издания почти вдвое. В общей панораме ницшевского мировоззрения эта "ненаписанная книга" (как, впрочем, и "Веселая наука" в переходе ее от четвертой к пятой книге) занимает довольно своеобразное место и представляет немалый интерес; речь идет, по существу, о некоем переходном, переломном этапе мысли Ницше, уже достаточно окрепшей от "детской болезни" артистического пессимизма и еще не погрузившейся в катастрофический реализм последнего периода. Читателю предоставлена возможность проследить перипетии /становления/ этой мысли вплоть до стилистических исканий и превращений — не на готовом материале, а как бы в процессе растирания красок...